

*Д.В. Возчиков**

**Кисть и фарфор:
представления о Китае и
дальневосточной морской торговле
английского купца второй половины XVI века**

АННОТАЦИЯ: В данной статье рассматривается описание Китая и его роли в трансазиатской морской торговле, представленное в отчёте английского купца и путешественника Ральфа Фитча (ок. 1550–1611). Посетив в 1583–1591 гг. ряд государств Индии и Юго-Восточной Азии (включая империю Великих Моголов и Бирму), Фитч стал первым английским автором маршрутного описания стран Южной, Юго-Восточной и опосредованно — Восточной Азии. Данные отчёта о Китае и Японии, куда его автору так и не удалось попасть, носили вторичный характер, будучи заимствованы у португальских и венецианских предшественников. В то же время Фитч обратил особое внимание на освоение португальскими купцами региональной транзитной торговли, а также на ряд особенностей повседневной жизни китайцев.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история Англии, елизаветинская эпоха, Елизавета I, история Юго-Восточной Азии, династия Мин, Ральф Фитч, образ Китая на Западе, ориентализм.

Ф. Бродель, предполагая функционирование с начала XV в. супермира-экономики Дальнего Востока, включавшего и Индию, и Юго-Восточную Азию, и Китай, заметил, что «индонезийские ворота, или плотину, всегда легче было проходить с запада на восток и на

* Дмитрий Викторович Возчиков, кафедра истории Древнего мира и Средних веков, Институт гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина (УрФУ), Екатеринбург, Россия; catullus89@mail.ru

север, нежели в противоположном направлении» [3, с. 562–563]. Трансазиатский морской маршрут из Ближнего Востока и Индостана через Нусантару, благодаря которому уже в раннетанское время в Юго-Восточной Азии и Южном Китае образовались крупные колонии арабских и персидских купцов [10, с. 44], оказался стандартным маршрутом для европейских путешественников позднего Средневековья (после конца *Rex Mongolica*) и для колониальной экспансии Португалии в начале XVI в. Англия начала осваивать торговые пути Южной и Юго-Восточной Азии значительно позже иберийских держав, и настойчивые попытки англичан завязать прямую торговлю с Дальним Востоком в течение целого столетия терпели неудачи вплоть до второй половины XVII в., часто — из-за активного противодействия португальских администраторов потенциальным конкурентам [13, с. 92]. Несмотря на то, что в Англии пристальный интерес к освоению торговых маршрутов до Китая обозначился уже в 1550-е гг. [11, с. 8], первым английским путешественником, составившим детальное описание стран и народов огромного региона Южной и Юго-Восточной Азии, стал купец из Лондона елизаветинской эпохи Ральф Фитч (ок. 1550–1611), путешествовавший по Азии в 1583–1591 гг. Несмотря на то, что побывать в Китае Фитчу не удалось, его отчёт и сама опосредованность сведений купца о Китае и китайцах представляют немалый интерес с точки зрения исследования представлений англичан конца XVI в. о Дальнем Востоке и существовавших в регионе торговых и культурных связях.

Биография лондонского кожоторговца Фитча до и после его восточной эпопеи известна довольно скудно (см. [15]). О начале своих странствий по Востоку в феврале 1583 г. сам Фитч писал так: «В год Господа Нашего 1583, я, Ральф Фитч из Лондона, купец, желая узреть страны Восточной Индии, в компании мастера Джона Ньюбери, купца, которому уже довелось бывать в Ормузе, ювелира Уильяма Лидса и художника Джеймса Стори, посланные достопочтенным сэром Эдвардом Осборном, рыцарем, и мастером Ричардом Стейпером, гражданами и купцами Лондона, взошли на лондонский корабль, именуемый „Тигром“ (*Tyger*), на котором отправились мы в Триполи, что в Сирии» [18, р. 8–9]. Э. Осборн и Р. Стейпер возглавляли Левантийскую компанию; пожалованная компании в 1581 г. королевская хартия сроком первоначально на семь лет гарантировала ей монополию на торговлю с владениями «Великого Сеньора» — султана Османской империи [16, р. 16, 17]. Миссия Левантийской компании во главе с Джоном Ньюбери изначально носила дипломатический характер: Ньюбери вёз письма королевы Елизаветы I наиболее могущественным, по её представлениям, правителям Южной и Восточной

Азии — третьему могольскому падишаху Джалал-уд-Дину Мухаммаду Акбару (1556–1605, в письме Елизаветы фигурировал под воображаемым титулом «the most invincible, and most mightie prince, lord Zebdim Echebar king of Cambaya (г. Камбей в Гуджарате. — *Д.В.*), Invincible Emperor, &c.» [21, р. 44]) и «королю Китая», минскому императору Чжу Иц-зюню (эра правления Вань-ли, 1572–1620). Последний в послании Елизаветы был назван просто по воображаемому титулу — «King of China <...> Most Imperial and invincible prince» [21, р. 45]. В этом кратком письме королева предлагала императору открыть торговлю между Англией и Китаем, а также для упрочения взаимовыгодного обмена пожаловать английским купцам право свободного передвижения «и другие привилегии, более всего необходимые для торговли с Вашими (императора. — *Д.В.*) людьми» [21, р. 46].

Из Триполи и Алеппо англичане сухопутным и речным путём прошли через Сирию и Месопотамию, посетили Фаллуджу и Багдад, затем из Басры морем отправились в Ормуз. В португальском Ормузе (с 1580 г. Португалия находилась в унии с Испанией, а в интересах Филиппа II и как испанского, и как португальского короля было ревностно препятствовать всем попыткам Англии проникнуть в «Восточные Индии») купцы были арестованы и доставлены в тюрьму в Гоа. Купцам удалось получить поручительство иезуитов, в числе которых был англичанин Стивенс. Стори согласился присоединиться к иезуитам в качестве брата-мирянина. Однако позиция вице-короля, обвинявшего купцов в шпионаже, оставалась неизменной, и англичане в апреле 1584 г. бежали из тюрьмы и вскоре прибыли в Биджапур [18, р. 5]. Проследовав через Голконду, купцы добрались до столицы Великого Могола Акбара и даже, по-видимому, добились его аудиенции, однако никаких её деталей Фитч не приводил [18, р. 17, 18]. Пути компаньонов вскоре разошлись: ювелир Лидс остался на службе у падишаха, получив за работу, помимо жалованья, дом, пять рабов и коня [18, р. 18], Ньюбери вскоре пропал по пути на запад, отправившись в Лахор, Фитч продолжил поездки по государствам Индии, затем морским путём добрался до Бирмы и Чиангмая, а в 1588 г. посетил португальскую Малакку, но далее начал обратный путь через Индию и Ближний Восток и в конце концов в апреле 1591 г. вернулся в Лондон. Осуществить одну из изначальных целей всего предприятия — положить начало отношениям между Англией и империей Мин — этой английской миссии, таким образом, не удалось.

Впервые отчёт Фитча о Востоке был опубликован Ричардом Хаклойтом во втором издании его «Главных плаваний, путешествий и открытий английской нации» (1598–1600) [18, р. 8]. Описание Фитча в ряде мест полностью совпадало с более ранними сообщениями

купца Чезаре Федеричи из Венецианской республики, путешествовавшего по государствам Индии и ЮВА в 1563–1581 гг., что, в первую очередь, касалось собственно маршрутной части [18, р. 8]. Х.-П. Рубьес полагает, что причина столь распространённого копирования *post factum* чужих сведений даже бывальыми путешественниками, вроде Фитча, чьё пребывание в описанных ими местах не подлежит сомнению, лежала в целеполагании самого жанра купеческого маршрутного описания той эпохи: совпадение сведений подтверждало для современников достоверность отчётов, заглавной задачей авторов которых было донесение информации, а вовсе не создание оригинального текста [20, р. 105]. Даже в эпоху трансокеанских колониальных империй Республика св. Марка оказывала известное влияние на развитие дискурса о «Восточной Индии» в европейских странах.

По замечанию отечественного индолога Е.Ю. Ваниной, ни с одной из империй Южной Азии европейцы не были столь тесно связаны, как с державой Великих Моголов [6, с. 20]. К моменту первого появления английской дипломатической миссии на Индийском субконтиненте эта держава уже имела опыт контактов с португальскими властями Гоа и с орденом иезуитов, которые сыграли ключевую роль в формировании образа империи в Европе: при Акбаре Гоа неоднократно посещали посланцы падишаха, в 1578 г. Акбар радушно принял в Агре португальского посла Антониу Кабрала, а в 1582 г. ко двору веротерпимого и просвещённого падишаха, проявившего неподдельный интеллектуальный интерес к христианскому учению, отправилась первая миссия ордена иезуитов [4, с. 39–40]. В отчёте Ральфа Фитча именно держава Акбара, которого, по его словам, «народ по большей части зовёт Великим Могором (Great Mogor)» [18, р. 18], стала своего рода «полномочным представителем» Индии. В действительности название «Великие Моголы» впервые ввели португальцы, превратив слово «могол», наименование части мусульманского военно-феодального сословия, в воображаемый титул [4, с. 40; 6, с. 20], и использование его английским купцом наглядно демонстрировало усвоение им португальской схемы, следование недавно проторенному пути в описании Востока. Широко известны описания Фитчем городов Индии, в частности, восторженный рассказ купца об Агре и Фатхпур-Сикри, грандиозном городе-ставке Акбара [18, р. 17, 18]. Наблюдательный купец описал один из главных священных городов индуизма — Варанаси. В религиозном плане Фитч по сложившейся традиции подразделял народы Востока только на «мавров» (Moors) и «язычников» (Gentiles), или «идолопоклонников» (Idolaters), и прямо сравнивал многорукие индуистские мурти с «дьяволами» [18, р. 20].

Из всех государств Юго-Восточной Азии Ральф Фитч в наибольших подробностях описал бирманское государство династии Таунгу, столица которого располагалась в старинном монском центре Пегу — «очень большом, мощном и прекрасном городе с каменными стенами и огромными рвами, окружающими его» [18, р. 30]. Английский купец со знанием дела перечислил товары, стекающиеся морским путём в бирманскую державу: опиум из Камбея, крашеные ткани из португальского Сан-Томе (современный Ченнаи) или из Масулипатана, белые ткани из Бенгалии, индийский хлопок; идущие в Мартаван (Martavan) транзитом из Малакки китайские товары (сандалы и фарфор), камфору из Борнео и перец из султаната Аче на Суматре; прибывающие в порт Сириам (Sigion) различные ткани, опиум и другие товары из Мекки [18, р. 34, 35]. Буддийская пагода Шведагон (Dogopne) весьма впечатлила путешественника: «Это самое прекрасное место, как я полагаю, что есть в мире. Она достигает огромной высоты, и к ней ведут четыре дороги, вдоль каждой из которых посажены плодовые деревья таким образом, чтобы более двух миль пути люди проходили в тени» [18, р. 36].

Фитч, как и многие другие западные путешественники XV–XVI вв. — Никколо Конти (см. [7, с. 46–48]), Лудовико да Вартема, Чезаре Федеричи и Гаспаро Бальби, подробно рассказал о месте слонов в войсках и политическом лексиконе региона. Элефантерию и священных белых слонов бирманского короля из династии Таунгу Фитч описывал так: «У первых ворот королевских палат находится большая площадка, по обеим сторонам коей стоят дома для королевских слонов, которые дивно велики и прекрасны собою и которых растят для войн и службы королю. А среди прочих он держит четырёх белых слонов, очень необыкновенных и редкостных, ибо ни один иной король не владеет ими, кроме него <...>. Этот король в своём титуле именуется королем белых слонов: если любой иной король, имея белого слона, не отошлёт его к нему, тот начнет против него войну за слона» [18, р. 31]. Далее Фитч описал особый церемониал, сопровождающий кормление и омовение белых слонов, упомянул особого королевского придворного, «дворянина» (gentleman), ведавшего мытьём слоновьих ступней в серебряном тазу [18, р. 32]. Высочайший символический статус белых слонов — общая черта индо-буддийского мира. И у бирманцев, и у мононов, и у тайцев белый слон считался важным атрибутом идеального буддийского государя-миродержца — чаккаватти (чакравартина). Стандартным поводом для многих сиамско-бирманских войн были требования уступить слона-альбиноса «великому королю» [1, с. 31]. Ральф Фитч также общался о ловле диких слонов для войска с помощью прирученной

самки [18, р. 32]. Вооружение войска Пегу Фитч оценивал невысоко: «Их оружие очень плохое. Есть у них пушки, но стреляют из них очень скверно; дротики и мечи короткие и без острия» [18, р. 32]. Фитч также свидетельствовал о крайней слабости и малочисленности флота Бирмы [18, р. 33].

Тайское государство Аютия в тексте Фитча названо Одией: «В мою бытность там [в Пегу] отправился он [король] в Одию, что в стране Сиам, с войском в триста тысяч человек и пять тысяч слонов. Тридцать тысяч человек охраняли его. Эти люди едят коренья, травы, листья, собак, кошек, крыс, гадов и змей; они почти ничем не брезгуют» [18, р. 33]. Именно в ноябре 1586 г., когда Фитч был в Пегу, началась очередная кампания короля Нандабайина (1581–1599) против провозгласившего независимость Сиам: стремясь взять реванш за недавнее поражение от сил принца Наресуана под Ангтонгом, Нандабайин вторгся в Сиам и в начале следующего года осадил Аютию, но в мае 1587 г. бирманское войско вынуждено было снять осаду, за чем последовало его катастрофическое отступление под постоянными ударами противника [2, с. 235]. Описание рациона, по-видимому, относилось и к Пегу, и Аютии. Противостояние между Бирмой и Аютией Фитч описывал со стороны первой. Неразборчивость в пище — характерный для итинерариев и позже для колониальных описаний уничижительный топос. Правда, при описании Чиангмая путешественник сосредоточился на другой пищевой особенности — отсутствии пшеницы и распространении рисовых лепешек [18, р. 38].

Среди экзотических для европейца товаров региона Фитч выделял металлические бубенчики, характерные, по его свидетельству, и для Бирмы, и для Сиам и вставляемые местными мужчинами в половые органы. «В браке муж должен вставлять себе эти шарики за каждого ребенка, рожденного женой, пока не дойдёт до троих; ведь они считают, что женщины желают получить от них наслаждение. Их изобрели, чтобы мужскому полу избежать дурного отношения женщин. <...> Некоторые из них медные, некоторые — из серебра, но серебряные — для короля и его знати. Последние покрывают позолотой, они сделаны с большим искусством и звенят, как маленький бубенчик. Есть разновидность из свинца, которую они называют селви (Selwy), поскольку они звенят, но малы размером» [18, р. 40]. Затем путешественник отметил, что король порой жаловал использованные им бубенчики вельможам как великий дар огромной ценности и чудодейственной силы [18, р. 40]. Венецианский путешественник Никколо Конти (был в Бирме в 1420-е гг.) фиксировал продажу этого товара разных размеров и материалов только в Аве [14, р. 132]. Китайский современник Конти и переводчик трёх экспедиций Чжэн Хэ (с

1413 по 1433) мусульманин Ма Хуань в труде «Пленительные виды / Полный обзор океанских берегов» (между 1416 и 1451) (см. [9, с. 244]) подробно описал манипуляцию с генитальными бубенчиками в государстве Сяньло (Сиам): «Мужчина, достигнув возраста более двадцати лет, надрезает кожу вокруг мужского органа тонким, как лист лука-резанца, ножом и вставляет от десяти и более оловянных шариков (*си-чжу* 錫珠) под кожу. Он надёжно покрывает [места надреза] снадобьями и ждёт, пока раны заживут: лишь тогда может он отправиться в путь. Вид их [шариков] подобен грозди винограда. Отдельно есть у них разряд людей, держащих лавки, где людям выдвывают и вставляют [эти шарики], и это составляет их ремесло. Если это царь, или вельможа, или богач, то для него из золота делается полый шарик, внутрь которого помещается маленький камешек. Когда шарик вставлен, то при ходьбе он тонко звенит, подобно яшме, и потому этот звук считается у них прекрасным. Мужчины, не вживляющие себе шариков, принадлежат к низшему рангу, и это более всего удивительно!» [23, с. 20]. Спустя полтора столетия Ральф Фитч отмечал повсеместность подобной практики в континентальной ЮВА. Сингапурский исследователь Сунь Лай-чэнь полагает, что наименование «селви» у Фитча — не что иное, как искажение бирманского словосочетания, обозначающего «маленькие колокольчики» [22, р. 264]. Фитч купил в Бирме некоторое количество генитальных бубенчиков и впоследствии привёз в Англию как диковинку: эти бубенцы, став популярным сексуальным товаром в Китае, где они получили наименование *мянь-лин*, в Европу в то же самое время проникают в качестве экзотического объекта коллекционирования [19, р. 30].

Отдав дань ещё одному давнему европейскому топосу, представлению об отсутствии у жителей Юго-Восточной Азии бород, Фитч также зафиксировал распространение чернения зубов у бирманцев и особо отметил традиционную мотивацию этой практики: «Они чернят свои зубы, и мужчины, и женщины, поскольку, как они говорят, это у пса зубы белые, поэтому они и чернят свои» («They have their teeth blacked, both men and women: for they say a dogge have his teeth white, therefore they will blacke theirs») [18, р. 40]. М.В. Станюкович указывает на связь указанного Фитчем обычая с представлениями народов ЮВА о нечернёных зубах как о признаках животного состояния или «демонизма» [12, с. 256]. В Англии елизаветинского времени практика чернения зубов также была популярна среди знати, правда, её обоснование лежало в иной плоскости: чёрные зубы, как считалось, выдавали обильное поедание их владельцем сладкого и были верным признаком роскошного образа жизни [12, с. 250]. Само же по себе чернение зубов едва ли было для купца особенно экзоти-

ческим фактом. О малайцах Малаккского полуострова Фитч писал достаточно скупое, сообщая, что они — «гордый народ» и что из одежды довольствуются лишь тканью посередине тела и небольшим свёртком ткани на голове [18, р. 41].

Китай и Япония отражены в отчёте Фитча, главным образом, с точки зрения их торгового потенциала. Фитч сообщал, что португальские корабли везут из Макао в Японию китайский белый шёлк, золото, фарфор и мускус, а вывозят из Японии в Макао исключительно серебро, а также упомянул жёсткие ограничения кантонской администрации в отношении португальцев, которым, по его словам, запрещено было проводить ночь в самом Кантоне и предписывалось спать на судах [18, р. 41, 42]. Англичанин, одной из первоначальных задач путешествия которого было установление прямых связей Англии и Китая, подчёркивал: «Китайцы очень подозрительны и не доверяют иностранцам» («The Chinians are very suspicious and do not trust strangers») [18, р. 42]. Отдельные сведения о китайском образе жизни и обычаях также присутствовали в рассказе купца, который мог не просто видеть китайских купцов в Пегу, Чиангмае и Малакке, но и иметь некоторый опыт общения с ними: «Порядок в Китае таков, что, блюдя траур, облачаются люди в белую нитяную обувь и соломенные шляпы. Мужчина блюдет траур по жене два года, а жена по мужу — три года; сын по отцу — один год, а по матери — два года. И всё время траура покойника держат дома, внутренности же тела извлекают, начиня чоунамом (*chownam*), или известью, и так кладут в гроб. Когда же срок истечёт, они выносят их [покойных], играя на дудках и других инструментах, и сжигают их. Вернувшись, снимают они траурный наряд, и вступают в брак в своё удовольствие. Мужчина может содержать столько наложниц, сколько пожелает, но лишь одну жену» [18, р. 42].

Описание китайских обычаев в отчёте Фитча — характерный пример контаминации разных сведений о народах Азии. В частности, для обозначения извести Фитч использовал термин индийского происхождения *чунам* (*chownam*), под которым обычно подразумевался строительный известковый раствор, не пропускающий воду [5, с. 36], и применил именно его в описании китайских реалий, как те ему представлялись. Траурные нормы в Китае в основном определялись каноническим трактатом «Ли цзи». Хотя Фитч верно назвал трёхгодичный срок траура жены по мужу, высочайший статус трёхгодичного траура по отцу, очевидно, не был известен путешественнику. По отцу и мужу предписывалось соблюдать наиболее строгий траур *чжань-цуй* 斬衰 продолжительностью три года, по матери сын носил трёхлетний траур *цзы-цуй* 齊衰, сын по матери, скончавшейся

раньше отца, и муж по жене — годичный *цзы-цуй* [8, с. 85]. Высокоставленного покойного в средневековом Китае обычно хоронили не ранее, чем через два-три месяца после кончины, а под влиянием буддизма на Юго-Востоке уже в сунский и юаньский периоды получила распространение кремация [10, с. 193–195].

«Все китайцы, японцы и кохинхинцы, — продолжал английский купец, — пишут сверху вниз, а пишут они превосходной кистью (pensill) из собачьей и кошачьей шерсти» [18, р. 42]. Цивилизационная общность Китая, Японии и Вьетнама в данную эпоху была очевидна европейским наблюдателям, и особенно показательно, что главным критерием этой общности для английского путешественника стала письменность, а её самым наглядным символом — пишущая кисточка учёного. Представление об особенном недоверии китайцев к иностранцам, аргументируемое нежеланием китайских властей, — общее место в ряде европейских описаний Китая Нового времени. Так, краткое описание венецианским купцом и путешественником Чезаре Федеричи Кантона «красивейшего города огромной важности» также включает сетования европейца на «подозрительность» китайцев, которой купец Республики св. Марка объяснял заградительные меры минских властей: «Эти язычники (Gentili) столь ревнивы и робки, что не желают, чтобы какой-либо чужеземец приезжал в страну, и, когда едут португальцы, дабы заплатить пошлины и закупить товары, китайцы не соглашаются, чтобы те спали в городе, но отправляют их в предместья» [17, р. 81]. Ближе к концу рассказа Фитч мельком упомянул Айнама (Aynam) — Хайнань — «огромный остров у самой южной оконечности Китая» [18, р. 47]. Хайнань был назван среди мест, предлагавших жемчуг куда худшего качества, чем знаменитые жемчужины Бахрейна. На протяжении всего отчёта для Ральфа Фитча приоритетными оставались данные торгового плана.

Купеческий травелог Фитча — примечательный памятник эволюции образов Востока в дискурсе европейцев раннего Нового времени. Сам факт длительного путешествия Фитча по Азии и сбора им разнообразных данных о торговых путях, связующих Ближний Восток, Южную Азию, Юго-Восточную Азию и Китай, был серьёзной вехой в приращении географической информированности восходящей державы, а также имел большое психологическое значение для английской элиты и интеллектуальной среды. Не только собранные им данные (пусть в основном опосредованные или дублирующие информацию предшественников), но и сама фигура одного из первых англичан на торговых магистральных Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии, на которые уже проникли португальцы, стали состав-

ляющей елизаветинского мифа. Китай, очевидно, представлялся Фитчу ключевой во всей восточной торговле страной, сколь желанной, столь и труднодоступной.

Литература

1. *Афанасьева Е.Н.* Буддизм тхеравады и развитие тайской литературы XIII–XVII вв. М., 2003. 320 с.
2. *Берзин Э.О.* Юго-Восточная Азия в XIII–XVI вв. М., 1982. 332 с.
3. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира / Пер. с фр. *Л.Е. Куббеля.* М., 2007. 752 с.
4. *Ванина Е.Ю.* «Просвещённые философы» и «сотоварищи Иисуса»: первый контакт интеллектуальных сообществ Индии и Запада // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 35–59.
5. *Ванина Е.Ю.* Мирза Абу Талиб (1752–1806) // Восток. 1991. № 1. С. 30–40.
6. *Ванина Е.Ю.* Расцвет и падение империи Великих Моголов // Вопросы истории. 1997. № 12. С. 20–33.
7. *Возчиков Д.В.* «Бирманские бубенцы», слоны и птицы: некоторые аспекты восприятия средневековых государств Мьянмы в Европе и Китае // Китай: история и современность: материалы IX междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 21–23 октября 2015 г. Екатеринбург, 2016. С. 43–51.
8. *Кейдун И.Б.* Порядок ношения траура в канонических установлениях конфуцианства (по материалам трактата «Ли цзи») // Вестник СПбГУ. Сер. 13: Востоковедение, африканистика. 2015. Вып. 4. С. 83–91.
9. *Кобзев А.И., Еремеев В.Е.* География // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. *М.Л. Титаренко*; Ин-т Дальнего Востока. М., 2006. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование / Под ред. *М.Л. Титаренко* и др. 2009. С. 226–249.
10. *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М., 1984. 335 с.
11. *Сладковский М.И.* Китай и Англия. М., 1980. 352 с.
12. *Станюкович М.В.* Чёрное и белое. Бетель, чернение и подпиливание зубов и колониальные предрассудки // Бетель, кава, кола, чат. Жевательные стимуляторы в ритуале и мифологии народов мира / Отв. ред. и сост. *М.В. Станюкович*; ред. *А.К. Касаткина.* СПб., 2015. С. 243–266.
13. *Фишман О.Л.* Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.). СПб., 2003. 544 с.
14. *Bracciolini Poggio.* *Historiae de varietate fortunae libri quatuor.* Paris, 1723. 294 p.
15. *Edwardes M.* *Ralph Fitch: Elizabethan in the Indies.* L., 1972. 184 p.
16. *Epstein M.* *Early History of the Levant Company.* L., 1908. 270 p.
17. *Federici Cesare.* *Viaggio di M. Cesare dei Federici, nell' India orientale & oltre l'India: nelquale si contengo no cose dilettenoli dei riti, & de i costami di quei paesi.* Venezia, 1587. 174 p.
18. *Fitch Ralph (1583–1591)* // *Early Travels in India 1583–1619* / Ed. by *W. Foster.* L., 1921. P. 1–47.

19. *Nocentelli C.* Empires of Love: Europe, Asia, and the Making of Early Modern Identity. Philadelphia, 2013. 262 p.

20. *Rubiés J.-P.* Travel and Ethnology in the Renaissance: South India through European Eyes, 1250–1625. Cambridge, 2002. 472 p.

21. *Ryley J.H.* Ralph Fitch: England's Pioneer to India and Burma: His Companions and Contemporaries, with His Remarkable Narrative Told in His Own Words. L., 1899. 264 p.

22. *Sun Laichen.* Burmese Bells and Chinese Eroticism: Southeast Asia's Cultural Influence on China // *Journal of Southeast Asian Studies*. Vol. 38, No. 2 (Jun., 2007). P. 247–273.

23. *Ma Хуань* 馬歡. Ин я шэн лань цзяо-чжу 瀛涯勝覽校注 / 馮承鈞校注 («Пленительные виды / Полный обзор океанских берегов» со сверкой и коммент.) / Св. и комм. *Фэн Чэнцзюнь*. Пекин, 1955. 72 с.

*D.V. Vozchikov**

**Brush and porcelain:
overview of China and Asian maritime trade
in the account of the Elizabethan merchant**

ABSTRACT: This article provides description of China by Ralph Fitch (ca. 1550–1611), an English merchant and explorer, and analyzes role of China in the regional trade of the Far East. Fitch visited some states of India and Southeast Asia (including the Mughal Empire and Pegu under the rule of the Burmese Taungoo dynasty). He became the first Englishman to describe the routes, goods and customs of this vast region. His data on China, since he failed to reach it, was mostly based on the information provided by his Portuguese and Venetian predecessors. However, Fitch underlined the Portuguese trade presence on the Asian maritime routes and noticed some particularities of the everyday life of the Chinese.

KEYWORDS: history of England, the Elizabethan era, Elizabeth I, Early Modern period, history of Southeast Asia, Ming dynasty, Ralph Fitch, Western image of China, orientalism.

* Vozchikov Dmitry Viktorovich, postgraduate student of the Chair of Ancient and Medieval History, teaching fellow of the Chair of Oriental Studies of the Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia; E-mail: catullus89@mail.ru